

МИР-ПОЛИТОЛОГИЯ КАК НАУЧНАЯ СУБДИСЦИПЛИНА

ЭДУАРД БАТАЛОВ

МГИМО(У) МИД России, Москва, Россия

Резюме

Глобализация, социально-экономическая и политическая интеграция, информационная революция, охватившие, пусть и в разной мере, практически все страны, меняют политическое лицо мира. Сохраняя, а в некоторых случаях даже усиливая свою политическую дифференцированность и гетерогенность и продолжая развиваться по разноректорным траекториям, глобальный политический мир вместе с тем становится всё более целостным и единым, а составляющие его страны — всё более взаимосвязанными и взаимозависимыми.

В этих условиях чрезвычайно важно — и для политиков, принимающих стратегические решения глобального масштаба, и для политических аналитиков, решающих глобальные задачи — иметь перед умственным взором целостную (интегральную) и притом многомерную картину политического состояния мира на рассматриваемых этапах его исторического развития. Картину, фиксирующую глобальное состояние таких базовых политических измерений мира, как политическая система, политическая культура, политическое поведение, электоральный процесс, партийная система, политическое сознание, чтобы в итоге перед исследователем открывалась динамическая картина глобальной политической сети, образуемая множеством взаимосвязанных ячеек как состояний базовых измерений политической жизни присутствующих в мире наций-государств.

Но ни общая политология, ни политическое страноведение, ни мировая политика как научные дисциплины не могут предложить такой панорамной картины, ибо не ставят перед собой задачи ее создания. Не может предложить её и сравнительная политология, хотя без её помощи получить искомое знание невозможно. Глобальная панорамная политическая картина мира могла бы формироваться, как представляется, в рамках отдельной политологической дисциплины с собственным объектом исследования и предметным полем. Называя эту дисциплину «мир-политологией», автор рассматривает в предлагаемой статье возможные пути её формирования и основные черты, которые она могла бы приобрести.

Ключевые слова:

мир-политология; политология; сравнительная политология; сравнительный анализ; политическая система; политическая сеть; политический атлас современности; мировая политика; глобализация; интеграция.

Глобализация, научно-технический прогресс (зримо проявляющийся в информационной революции), социально-экономическая и политическая региональная интеграция, охватившие, пусть и в разной

мере, практически все страны, меняют политическое лицо мира. При этом он не только сохраняет свою *внутреннюю дифференцированность*, но по ряду направлений наращивает ее. Наглядное тому свидетельство

ство — неуклонное умножение числа суверенных государств и членов ООН. Более того, разные страны (группы стран) развиваются по *разновекторным* социально-историческим траекториям.

Возрастает и *неоднородность глобальной структуры политических отношений*. Мы продолжаем привычно, как и двадцать-тридцать-сорок лет назад, говорить о *системной* организации мира (не всегда отдавая себе отчет в том, что «система» — понятие строгое и обязывающее). Между тем по мере все более активного выхода на мировую политическую сцену негосударственных игроков и возрастания роли и степени автономии отдельных государственных институтов, формирования нетрадиционных международных и мировых политических связей — появляются все новые свидетельства того, что структура мира политики претерпевает качественные изменения. И пусть утверждение, что она трансформируется в *организацию сетевого типа* (с характеристиками, отличными от системных), было бы пока преувеличением, сам факт *умножения числа сетевых международных образований и их интеграции в глобальную политическую систему* подтверждается многими исследователями¹.

1

При всей внутренней дифференцированности современного глобального мира, при всей нелинейности и разновекторности политического развития составляющих его стран он продолжает неуклонно, хотя непоследовательно и неравномерно, двигаться в сторону не только экономического

и финансового, но и политического *единения, политической целостности*. Речь идет о возрастающей взаимосвязи, взаимозависимости, взаимообусловленности политических событий и процессов, протекающих в разных концах Земли и тем более — на одних и тех же континентах и в одних и тех же регионах. Понять и правильно оценить политическую жизнь (проявляющуюся в *состоянии ее базовых политических измерений*) той или иной страны сегодня можно только принимая во внимание и учитывая состояние этих измерений в других странах и в мире в целом.

В этих условиях чрезвычайно важно — и для политиков, принимающих стратегические решения глобального масштаба, и для политических аналитиков, решающих глобальные задачи — иметь перед умственным взором *целостную (интегральную) и притом многомерную* — можно даже сказать, *панорамную — картину политического состояния мира на данном этапе его исторического развития*. Картину, фиксирующую *глобальное состояние* по крайней мере *таких базовых политических измерений мира*, как политическая система, политическая культура, электоральный процесс, партийная система, политическое сознание — и рассматривающую все эти измерения в их взаимосвязи и взаимозависимости, а по возможности выявляющую *корреляции между различными состояниями этих измерений*. В итоге это позволило бы исследователю получить представление о *глобальной политической сети*, образуемой множеством взаимосвязанных *ячеек* как состояний базовых измерений

¹ Вопрос о сетевой организации глобального политического мира требует отдельного рассмотрения. Пока лишь заметим, что о перспективности исследования этой проблематики свидетельствуют работы таких дальше других продвинувшихся в этом направлении авторов, как профессор Калифорнийского университета Зеев Маоз [Maos Z. 2010; Maos Z., Terris L., Kuperman R., Talmud I. 2005] и профессор Принстонского университета Энн-Мари Слотер. Характеризуя «новый мировой порядок», устанавливающийся в последние десятилетия, как «дисагрегированный» и не отрицая, что государство «все еще остается наиболее важным актором» мировой политической сцены, Слотер показывает, что в ряде ситуаций составляющие государство институты, выполняя возложенные на них функции, вырываются из под контроля целого (государства), обретают относительную самостоятельность и вступают во взаимодействие с аналогичными частями (институтами) других государств. В результате таких множественных сплетений образуются «правительственные сети (government networks), покрывающие весь мир» [Slaughter 2004]. Исследования на данном направлении ведут и отечественные авторы [Стрежнева 2008; Саворская 2011; Фельдман 2012].

политической жизни существующих в мире наций-государств.

О необходимости *целостного взгляда на целостный политический мир* писал еще в 2003 г. А.Д. Богатуров, определяя позицию основанного им журнала «Международные процессы». «В центре его внимания — теоретическое осмысление *мира в целом*, международных тенденций и *планетарной политической среды вообще. Мировоззрительности*, в которую наша страна погружена и вместе с которой развивается. Задача — понять, что на самом деле происходит с *миром в целом...*» [Богатуров 2003: 4. *Курсив мой.* — Э. Б.].

Журнал твердо следует этой установке. Однако во все разрастающемся и дифференцирующемся политологическом комплексе² так пока и не сложилось *специализированной научной дисциплины (субдисциплины)*, которая бы видела свою исследовательскую задачу в том, чтобы описывать, анализировать и объяснять, что происходит в политическом мире в целом, как связаны друг с другом во всемирном масштабе различные аспекты состояний политической жизни разных стран мира и как меняется эта связь по ходу времени. Ни политическое страноведение, ни историческое политическое страноведение, ни мировая политика (как научная дисциплина), ни сравнительная политология не устраняют в полной мере этого пробела.

Политическое страноведение позволяет исследователю составить более или менее полное представление о том, как выглядит в тот или иной момент политическое «лицо» определенной страны (а в ряде случаев и нескольких сопредельных стран): ее политическая система, политический режим, политическая культура, избирательная система. Эти измерения могут браться в их единстве, или же исследователь может сосредоточить внимание на каком-то отдельном измерении — например, на политической культуре данной

страны или ее партийной системе. Но этим дело и ограничивается.

Историческое политическое страноведение позволяет сравнивать политические картины данной страны на различных этапах ее развития и получать представление о том, как с течением времени менялось ее политическое лицо, какими были векторы и динамика этих изменений. Например, сравнивая состояния политической системы СССР конца 1980-х годов минувшего века, политической системы постсоветской России 1990-х годов и первого десятилетия XXI века, мы можем составить представление о том, как эволюционировали ее политическая система и политический режим, как протекало ее движение по пути демократизации, какими были этапы этого движения.

О «*Мировой политике*» заговорили сравнительно недавно. Определяют ее по-разному. А.Д. Богатуров, например, рассматривает ее как сферу «нерасчлененного взаимодействия между субъектами международных отношений по поводу как их действий в отношении друг друга и решения общемировых проблем, так и политики каждого из них в отношении собственных внутренних проблем и ситуаций» [Современная мировая политика 2009: 34]. Предполагается, естественно, что поскольку «мировая политика» выступает в качестве объекта исследования, то этими словами обозначается еще и соответствующая отрасль научного знания.

М.М. Лебедева, характеризуя мировую политику как «новую область знаний», полагает, что «в фокусе ее внимания — политические процессы, происходящие в мире сегодня, но с перспективой их дальнейшего развития» [Лебедева 2003: 4]. По мнению П.А. Цыганкова, ««мировая политика» — это то понятие, которое отражает высший и одновременно специфический уровень ее (политики — Э. Б.) функционирования, связанный с наличием особых институтов,

² О состоянии этого комплекса можно судить, в частности, по такому репрезентативному труду, выполненному интернациональным коллективом авторов, как «A New Handbook of Political Science». Имеется русский перевод [Политическая наука: новые направления 1999], а также по новаторскому коллективному исследованию отечественных авторов «Современная мировая политика».

норм взаимоотношений игроков на поле власти... понятие «мировая политика», по определению, подчеркивает масштабность отражаемых им процессов, их общепланетарный, всеохватывающий характер» [Политология: Лексикон 2007: 253-254].

Признавая значимость мировой политики как «области знаний» и соглашаясь с тем, что она сосредоточена на исследовании мировых проблем, «высшего уровня» функционирования политики и при этом охватывает разные страны, мы должны признать и то, что «охват» этот остается *ограниченным по масштабам, глубине и фокусировке*. За пределами поля внимания и интереса мировой политики остаются многие политические явления и процессы, протекающие как внутри отдельных стран, так и на мировой арене. Она не являет собой ни суммы, ни интеграла знаний о национальных политиках и не в состоянии взять на себя решение такой задачи, как описание, анализ, оценка политического состояния мира в главных его измерениях.

Отдельно следует сказать о *сравнительной политологии (политической компаративистике)*. В последние десятилетия она добилась ощутимых успехов³, в том числе благодаря усилиям отечественных исследователей. В этой связи особо следует выделить опубликованный в 2007 г. инновационный научно-исследовательский проект «Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств» [2007], подготовленный группой исследователей МГИМО (У) МИД России совместно с Институтом общественного проектирования и при поддержке журнала «Эксперт».

Этот проект, выполненный в соответствии с самыми высокими научными стандартами, убедительно подтверждает воз-

можность эффективного использования универсального сравнения для получения широких многомерных обобщений. Поэтому совершенно очевидно, что без опоры на политическую компаративистику, без использования ее методов невозможно выстроить ту многомерную картину политического состояния мира, о которой мы говорим. Но полностью взять на себя решение этой задачи компаративистика, увы, не может. У нее свои задачи и своя специфика, проявляющаяся прежде всего по справедливому замечанию Питера Мэра из Лейденского университета, в отсутствии «своей автономной предметной области», «собственного исследовательского поля» [Политическая наука: новые направления 1999: 309], что не раз давало повод некоторым политологам оспаривать ей статус как дисциплины (субдисциплины) [Политическая наука: новые направления 1999: 309].

Значит, нужна *отдельная политологическая субдисциплина* (отрасль знания) с *собственной предметной областью и собственным объектом изучения*. Субдисциплина, которая исследовала бы на *постоянной основе интегральное политическое состояние (политическую жизнь) мира как целостного и вместе с тем внутренне дифференцированного образования, закономерности его функционирования и развития*. Конечно, формирование такой (как, впрочем, и любой другой) субдисциплины — назовем её условно мир-политологией⁴ — длительный, сложный, естественный процесс. А цель предлагаемой статьи — выдвижение и обоснование *идеи* необходимости движения в этом направлении.

2

Создание мир-политологии как элемента политологического дисциплинарного кластера было бы логическим про-

³ Состояние современной сравнительной политологии проанализировано в четырех статьях, составляющих раздел «Сравнительная политология» вышеупомянутой книги «Политическая наука: новые направления». См. также: [Ильин, Сморгунов 2001; Мельвиль, Ильин, Мелешкина 2007].

⁴ Возможно, это название покажется кому-то не слишком удачным, но оно, как представляется автору, более точно отражает его замысел, чем «глобальная политология» [слово «глобальная» слишком размыто в смысловом отношении] или «мировая политология» (поскольку в этом случае может сложиться впечатление, что дело касается науки о мировой политике, что совершенно не соответствует поставленной цели).

должением тех исследований, которые вот уже в течение ряда лет ведутся в России и за рубежом – в основном в рамках сравнительной политологии, и некоторые из которых, в сущности, способствуют формированию рассматриваемой субдисциплины. Речь идет, в частности, о работах Г. Алмонда, Дж. Пауэлла, К. Строма, Р. Далтона [Алмонд, Пауэлл, Стром, Далтон 2002], А. Лейпхарта [Лейпхарт 1971, 1997], М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля [2007] и других.

Хотя наднациональные связи, институты, организации, формы деятельности, пересекающие и разрывающие национальные границы и «обволакивающие» мир, играют всё более возрастающую роль в его жизни, мир этот, как справедливо подчеркивают многие исследователи, остается *прежде всего и главным образом миром наций-государств (nation-states)*. И, как представляется, долго еще будет оставаться таковым. Значит, изначальной базовой операциональной единицей анализа мирополитологии должно быть политическое состояние (состояние политической жизни) отдельного государства в значимых точках его исторического развития. А интересующая нас интегральная картина политического состояния мира должна рассматриваться как формирующаяся прежде всего и главным образом на основе картин политических состояний отдельных наций-государств (стран) и являющая собой в итоге многомерную глобальную сеть локальных политических состояний⁵.

Отсюда следует, что исследование политического состояния мира должно начинаться с исследования политического состояния отдельных наций-государств и формирования индивидуальных (и в своей целостности уникальных) картин этого состояния. Каждая из таких картин представляла бы собой дифференцированное описание, анализ и оценку определенного

числа связанных друг с другом стандартных универсальных (то есть присутствующих во всех исследуемых странах) измерений национальной политической жизни и имела бы многомерный характер.

Разговор о том, что могли бы представлять собой эти измерения, впереди. Но предположим, что в их число входят «политический режим», «политическая культура» и «военная политика», а в число рассматриваемых стран – Россия. Значит, следовало бы, опираясь на необходимую информацию, описать, проанализировать и оценить существующий в стране политический режим; распространенную в обществе политическую культуру (во всем многообразии ее проявлений) и проводимую Россией военную политику. Само собой разумеется, что аналогичным образом следовало бы рассмотреть все выбранные нами измерения. В итоге сложилась бы более или менее целостная картина под названием «Политическое состояние современной России». А проделав (используя единую универсальную модель-матрицу) подобную операцию с другими странами, мы получили бы целую *серию* отличающихся друг от друга, но сформированных по *единой модели-матрице* картин, в число которых входили бы, скажем, «Политическое состояние современных США», «Политическое состояние современной Турции», «Политическое состояние современной Испании».

С одной стороны, *сумма* этих картин, конечно, не равнозначна искомой *интегральной* картине политического состояния мира, хотя каждая из них могла бы представлять самостоятельный интерес при условии, что сочетала бы информационную полноту с аналитической глубиной. С другой стороны, сравнивая полученные многомерные национальные картины по *отдельным измерениям*, мы могли бы получить (используя практикуемые в политической

⁵ Специфика политических «сетей» как более или менее сложной и выполняющей определенные управленческие функции совокупности многосторонних связей проявляется, прежде всего, в таких качествах, как отсутствие строгой управленческой иерархии и единого организующего центра, динамизм, гибкость, высокий уровень регенерационной способности.

компаративистике методы и методики) такие исследования, как, скажем, «Политическая культура стран современного мира», «Электоральный процесс в странах современного мира», «Положение человека в странах современного мира».

Для получения же *интегральной картины политического состояния мира* потребовалось бы провести минимум две аналитические операции. Во-первых, на основе сравнительного анализа национальных картин каждого из измерений создать соответствующую *обобщенную трансграничную (наднациональную)* аналитическую картину состояния этих измерений — скажем, той же политической культуры. И это была бы уже не «политическая культура стран современного мира», а «современная мировая политическая культура», дающая *обобщенное целостное* представление о существующих в мире политических культурах, их типологии, путях формирования, ареалах распространения, эволюции, влиянии на политическую жизнь и других параметрах.

Второй шаг — создание на основе сравнительного анализа полученных таким образом *одномерных* глобальных *интегральных* картин *многомерной* глобальной *интегральной* картины. Общей картины, которая бы фиксировала внутренние связи, а возможно, и корреляции, между этими частными картинами (скажем, между политической культурой и политическим режимом или даже конкретнее: между *определенной* политической культурой и *определенным* политическим режимом); их реальное место на этой общей картине (ранжированность по степени влияния на жизнь общества); характер существующего детерминирования одних картин другими, если было бы выявлено такое детерминирование; тенденции развития (как и в каком направлении эволюционируют политические режимы, системы, положение человека в обществе и другие измерения).

Конечно, адекватное «прочтение» всех этих картин предполагает их «встроенность» в культурный, цивилизационный и исторический контексты. Но даже в этом случае они фиксировали бы лишь «момен-

тальные» по историческим меркам состояния политической жизни мира. Так что если бы мы захотели выявить *динамику изменения состояний последней в исторической ретроспективе*, а, возможно, и определенные *закономерности* их эволюции, то нам пришлось бы осуществить ретроспективный мониторинг, сопоставив несколько рядов однородных картин, разделенных интервалами, скажем, в десять-двенадцать лет: 2014, 2000, 1990... Но это, как говорится, программа-максимум.

З

Качество картин политических состояний, которые мы получим «на выходе», будет во многом зависеть от состава и качества базовых измерений политического состояния общества, вводимых в нашу матрицу «на входе». Поэтому первый шаг на пути решения стоящей перед исследователем задачи — *корректное определение круга значимых и типических измерений политической жизни современного общества*, комплексный анализ которых позволил бы создать наиболее полную картину текущего состояния этой жизни в его *целостности и полноте*. Речь идет именно о значимых и типических измерениях, которыми характеризуется политическая жизнь практически всех стран современного мира, хотя степень развития и проявления этих измерений может быть неодинаковой в разных его частях.

При всей видимой простоте это нелегкая задача. По мере усложнения политической жизни и непрерывной экспансии политического в некогда неполитические сферы при одновременной интеграции неполитического в политику, а также развития политической гносеологии происходит *неуклонное расширение номенклатуры базовых аналитических измерений (фиксируемых с помощью категориального аппарата)*: и тех, которые описывают политическую жизнь общества во всех ее аспектах, и тех, которые касаются его политического состояния.

Анализ научной и учебной — прежде всего справочной — политологической ли-

тературы⁶ позволяет сделать важный вывод: унифицированного «реестра» политических измерений не существует (да и может ли он существовать в принципе?), но из их массы можно выделить более или менее устойчивое — назовем его «традиционным» — категориальное ядро, которое постоянно дополняется сводом «терминов, характеризующих ряд новых политических процессов и явлений»⁷. Понятно, что относительная стабильность этого ядра объясняется тем, что оно фиксирует наиболее устойчивые, фундаментальные измерения политической жизни, которые должны непременно войти в нашу матрицу.

Существует давнее, уходящее корнями в античную мысль представление, что центральный вопрос политики — это вопрос о *власти*: ее сущности, структуре, формах, видах, ресурсах, способах обретения и, конечно, о субъектах власти — индивидуальных и групповых. В рамках этого вопроса часто исследуется проблематика *политического господства и лидерства* — как внутри страны, так и на международной арене.

В тесной увязке с вопросом о власти рассматривается вопрос о *политической системе общества*. Правда, системный подход к политике начал формироваться и получил распространение только во второй половине XX века. Однако охватываемое им предметное поле исследовалось (по крайней мере, частично) и раньше в рамках вопроса о политической организации общества.

Сегодня невозможно представить себе исследования, посвященного политической жизни той или иной страны, большой или малой, без рассмотрения вопроса о характере существующего в ней *политического режима*. Обычно выделяют три основных режима — авторитарный, тоталитарный и демократический, хотя порой к ним добавляют и другие, так называемые гибридные режимы.

Важную роль в политической жизни общества играют *политические институты* — в первую очередь государство как система официальных учреждений, наделенная верховной властью, распространяющейся на определенную территорию и взаимодействующая со своими партнерами — внутренними и внешними. Но в политически развитых обществах заметная роль принадлежит также *негосударственным институтам* — *политическим партиям, профсоюзам, группам интересов*.

Начиная с 1960-х годов прошлого века в поле внимания политологов закрепилось такое, не использовавшееся ранее измерение политической жизни общества (хотя объективно оно существовало и прежде), как *политическая культура*.

В число составляющих ядро измерений входят также *политический процесс* (государственное управление, политические участие и т. п.), *политические изменения, политическое поведение, политическое участие, политические движения, политическое сознание*.

Но можно ли сегодня дать полноценный анализ политического состояния общества не учитывая той роли, которую играют в нем *политические коммуникации, политический маркетинг, Интернет, «электронное государство»*, и не принимая во внимание того места, которое занимают в политической жизни *крупные корпорации, медиакратия, некоммерческие организации, разного рода «силовые структуры»*? А разве не влияют на политическое состояние современного общества, такие не учитывавшиеся прежде (но включаемые ныне в «лексиконы») измерения, как *политический дискурс, политическая коррупция, политический PR*?

Нельзя упускать из вида и международные измерения политического состояния общества: характер и направленность внешнеполитических установок и ориентаций, а также *внешней и оборонной политики*,

⁶ Автор данной статьи предпринял сравнительный анализ предметных указателей четырех крупных работ, появление которых разделено интервалом в более чем десять лет. Это «Введение в политологию: Словарь-справочник» [1996]; «Политическая энциклопедия» [1999]; «Категории политической науки» [2002]; Политология: Лексикон [2007].

⁷ См. аннотацию к книге: Политология: Лексикон [2007].

проводимой государством и негосударственными субъектами данной страны.

Обращая необходимое внимание на эти измерения, мы должны исходить из постулата, что главным действующим лицом в политике является не государство, не политические партии и другие организации, а *человек*, рассматриваемый как продукт длительной биологической и социальной эволюции и воплощающий в себе одновременно два начала — природное и социальное.

Все политические отношения — внутренние и международные — это *человеческие отношения*. Поэтому именно человек должен быть поставлен в центр политологических исследований. Это тем более важно в наше время, когда возрастает влияние *homo sapiens* — в том числе и через так называемый человеческий фактор — на все сферы общественной жизни, и человек оказывается способным (впервые за всю свою историю) физически уничтожить свой род как таковой⁸.

Вот почему *гуманитарное измерение* политического состояния общества, фиксирующее положение человека в политическом мире, его характерные черты, права, обязанности, возможности, его становление и роль как политического субъекта, должно быть включено в число базовых измерений, подлежащих исследованию. С учетом антропологического фактора следует подходить (в духе кантовской традиции) к исследованию проблемы «политика и мораль»

Антропологическая составляющая должна быть акцентирована и при исследова-

нии таких давно уже попавших в поле зрения политологов и ставших традиционными измерений политического состояния общества, как *политическое сознание, политическая идеология, политическая культура*, которые присутствуют едва ли не во всех учебниках.

Так выглядит в общих чертах круг базовых измерений, которые могли бы лечь в основу формируемой мир-политологом исследовательской матрицы. Это, впрочем, не значит, что к названным измерениям не могут быть добавлены новые: одни из них *пока просто не открыты*, хотя реально присутствуют в политической жизни общества (как существовал феномен политической культуры, концептуализация которой началась лишь 50-х годах XX века). Других измерений, как, например, вышеупомянутого «электронного правительства», *прежде просто не существовало*⁹. Третьи *появятся только завтра*, ибо изменение сферы политического есть непрекращающийся процесс. Конечно, чем богаче и содержательнее набор измерений, составляющий исследовательскую матрицу, тем в принципе выше вероятность более глубокого проникновения в сферу политического. Но максимум не всегда есть оптимум.

4

Важная задача, стоящая перед исследователем, — *определение круга стран*, состояние политической жизни которых предполагается исследовать. В идеале мир-политология (к этому обязывает уже название дисциплины) должна быть ориен-

⁸ С сожалением приходится констатировать, что в большинстве учебников политологии, как отечественных, так и зарубежных, человек выпадает из поля внимания авторов. То же самое мы видим и в научной литературе. Показательный пример — уже известная нам книга «Политическая наука: новые направления». В обширном предметном указателе, которым снабжено это исследование, нет даже слова «человек». Такова цена вульгарной сциентизации политической науки, осуществлявшейся представителями *political science* на протяжении длительного периода. Более подробно эта проблема рассматривается автором в книге «О философии международных отношений [Баталов 2005].

⁹ А вот как характеризуют «новые измерения и сферы политического» авторы «Политического атласа». «Это, например, прогностика и планирование, то есть оценка возможностей и ресурсов развития, разработка кратко-, средне- и долгосрочных политических стратегий. Это также обеспечение интегральной безопасности, то есть совокупных условий существования государств и их граждан. Это, наконец, универсальная реализация суверенности государств и прав человека, управление демографическими и миграционными процессами, информационно-коммуникативное и научно-техническое обеспечение политических процессов, политика рационального освоения мирового океана, космического пространства, а также многое-многое другое» [Политический атлас современности 2007: 13].

тирована на формирование интегральной картины состояния политической жизни *всего мира*. Создатели «Политического атласа современности» подали в этом отношении хороший пример: в него вошли «карты» политических систем 192-х суверенных государств. Но они исследовали лишь политические системы и режимы. Возможно ли исследовать, описать и оценить (даже не ставя задачи классифицировать их) состояние политической жизни всех стран мира в двадцати-двадцати пяти (не говоря уже о большем числе) измерениях? В принципе, очевидно, возможно. Но это — сверхзадача.

На начальном этапе решить ее было бы трудно. Да в этом и нет необходимости, поскольку первичная задача заключается в том, чтобы выявить *типическую* картину состояния *типических* измерений политической жизни современного мира. Каковы типические формы организации и реализации политической власти и как они распределены в мире? Каковы типические формы электорального поведения, политической культуры, политической идеологии, политических режимов?

При таком подходе важно наметить круг стран, которые позволили бы составить *репрезентативную* выборку. А чтобы корректно определить принципы её построения, необходимо понять, чем существующие в современном мире страны более или менее значимо отличаются друг от друга. Сложность задачи возрастает оттого, что *оценочно-политические* критерии должны быть изначально вынесены за скобки, ибо оценивать априори, какая страна далеко продвинулась по пути демократических преобразований, а какая — нет, значит нарушать чистоту эксперимента.

Критерии включения стран в репрезентативную выборку должны быть политически нейтральными. Их можно условно разбить на три взаимосвязанные блока: географический, культурно-цивилизационный и экономико-политический. В первый блок следовало бы включить *континентальную (материковую) принадлежность*. В число отобранных стран должны

входить представители *пяти континентов* из шести (исключение — Антарктида), а именно Австралии, Африки, Америки Северной, Америки Южной, Евразии. Второй критерий — *принадлежность к пяти из шести* (исключение — опять-таки Антарктида) *частям света*, а именно к Австралии и Океании, Азии, Америке, Европе. Третий критерий — *площадь страны* (государства). Китай и Люксембург, Индия и Сан-Марино, Россия и Бельгия — таких пар немало на земле. И они не могут не попасть в выборку. Еще один важный показатель — *численность населения* страны. И тут, по-видимому, должны быть представлены не только такие экстремумы, как Китай и, скажем, Монголия, но и медианные варианты.

Неотъемлемый критерий включения в выборку — *цивилизационная принадлежность*. Хотя на протяжении последних ста лет вопрос о числе и составе цивилизаций, как локальных целостных социально-культурных комплексов продолжал оставаться спорным (Шпенглер, Тойнби, Хантингтон и другие), многие исследователи разделяют представление о том, что в настоящее время на земле существуют западная, евразийская, буддийская, мусульманская, китайская, индийская цивилизации [Кузык, Яковец 2008: 18]. Каждая из них должна быть представлена в **выборке** и, где это возможно, не одной страной.

Следует также учитывать такие критерии, как *расово-этническая принадлежность* основной массы населения страны; характер *доминирующей религии* (если таковая имеется) или *основные религиозные верования*, распространенные в стране, язык(и), на котором (которых) говорит ее население.

В третью группу критериев следовало бы включить *уровень экономического развития* страны; *жизненный уровень* населения и *качество его жизни* (они могут измеряться с помощью разных методик); *длительность существования* *политики* в качестве *самостоятельного государственного образования* при одновременном учете продолжительности непрерывного функ-

ционирования отдельных политических институтов, как показателей существования и устойчивости национальных политических традиций.

Вполне возможно, что нашлось бы немало конкретных стран, вопрос о включении/невключении которых в число объектов исследования, породил бы споры среди аналитиков. Но очевидно, что имеются страны, которые бы не могли не войти в этот список. По мнению автора, в их числе Австралия, Азербайджан, Аргентина, Армения, Беларусь, Бразилия, Великобритания, Германия, Грузия, Египет, Израиль, Индия, Иран, Ирак, Испания, Италия, Казахстан, Китай, Корейская Республика, КНДР, Люксембург, Мексика, Нигерия, Никарагуа, Польша, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Украина, Франция, Чехия, Швеция, Шри-Ланка, ЮАР, Япония. А в принципе, чем большее число стран удалось бы «охватить» даже на начальном этапе исследования, тем было бы лучше.

5

Говоря о *методологической основе* мир-политологии, автор хотел бы кратко остановиться на двух моментах. Понятно, что эта проблематика потребует самостоятельного и притом пристального рассмотрения. Но очевидно и то, что, ставя перед собой задачу осуществления глобального комплексного многомерного политологического анализа и синтеза, исследователь не может не опираться на методы, используемые в современной политической компаративистике. И в первую очередь на метод универсального сравнения, который был бы дополнен другими, отвечающими конкретным задачам, встающим перед мир-политологом, методами — в частности, методами кластерного и бинарного сравнений.

В этом смысле, как представляется, не обойтись без широкого творческого использования продуктивного опыта, накопленного авторами «Политического атласа современности». Ставя своей целью «получение многомерной классификации по-

литических систем и политических режимов современных государств на основе разработки и применения комплексных (в том числе пошаговых) методов сравнительного анализа» [Политический атлас современности 2007: 10], они пошли по пути, который, судя по полученным итоговым результатам, вполне оправдал себя. А именно: по пути «интеграции использующихся в современной компаративистике количественных и качественных методов эмпирического анализа в новый комплексный подход к оценке состояния системы государств и ее отдельных ячеек» [Политический атлас современности 2007: 10]. Авторы «Атласа» пытались, как они пишут, «перейти от создания отдельных «карт», представляющих мировую политическую реальность в каком-то одном измерении, к интегральному соединению шаг за шагом различных измерений и получению на этой основе целостного «атласа»» [Политический атлас современности 2007: 10]. Атласа политических систем и политических режимов, представленных в современном мире.

Думается, такой подход вполне мог бы быть использован и при выстраивании, если опять-таки прибегнуть к образным сравнениям, *политической «панорамы» современного мира*, которая бы давала представление и о политических режимах и системах, и о партийных системах, и об электоральных системах, и о политических культурах и иных значимых измерениях современного глобального политического мира, рассматриваемых в их единстве и разнообразии.

Необходимая ступень исследовательской процедуры — выбор *конкретной теоретической модели* рассматриваемого измерения, в соответствии с которой будут анализироваться его проявления и состояния в разных странах. Это обусловлено тем, что современная политическая наука находится на таком уровне развития, когда одни и те же феномены политической жизни исследуются, как правило, с помощью разных теоретических моделей, во многом дополняющих друг друга и «высве-

чивающих» разные стороны рассматриваемого явления. И от того, на какую модель (модели) мы станем ориентироваться, будет во многом зависеть конечный результат исследования.

Возьмем такое базовое измерение политического состояния общества, как «власть». Трудно найти крупного политического мыслителя, который не предложил бы своей трактовки — иногда весьма оригинальной — этого феномена. Если говорить только о XX веке, то в этом ряду мы увидим Макса Вебера, Гаролда Лассуэлла, Толкотта Парсонса, Роберта Даля, Мишеля Фуко и множество других социологов, философов и политологов. За кем из них следовать, рассматривая состояние властных отношений в современном мире?

Или взять «политическую систему». Тут не менее сложная картина. Как известно, первым, кто применил системный подход к изучению политики — правда, в самой абстрактной форме — и начал прокладывать путь к ее системному анализу, был Толкотт Парсонс. Большие заслуги в теоретическом моделировании политической системы принадлежат Дэвиду Истону, продолжавшему на протяжении почти сорока лет выстраивать свою концепцию, в чем-то дополняя и корректируя ее. Широкое распространение получила модель, разрабатывавшаяся Гэбриелом Алмондом (почти в те же годы, что и Истон, и практически тоже на протяжении четырех десятков лет). Помимо Истона и Алмонда к «отцам-основателям» системного анализа политики причисляют еще одного крупного американского исследователя-теоретика — Карла Дойча.

Встает вопрос: на какую модель ориентироваться при исследовании политической системы? И что, собственно, считать таковой? Идеальным следовало бы, наверное, признать случай, когда феномен, будь то политическая система, или власть, или какое-то другое измерение политической жизни общества и мира, рассматривался бы с помощью нескольких последовательно используемых аналитических моделей, что позволило бы получить его «объемную»

проекцию, образно говоря, в формате 3D. Но это трудно реализуемая задача. Поэтому выбор следует остановить на той модели, которая, с точки зрения исследователя, позволит ему получить оптимальное «изображение» рассматриваемого явления.

Можно, конечно, исходить и из собственного понимания рассматриваемого феномена политической жизни, что нередко и случается на практике. Но в любом случае исследователь обязан четко определить его (по крайней мере, для самого себя) и, что не менее важно, последовательно придерживаться на всех этапах исследования.

Б

Откуда черпать информацию, характеризующую состояние исследуемых измерений? По-видимому, из тех же самых «корзин», к содержимому которых политолог или социолог обращается при изучении социально-политической жизни отдельных стран.

Первая «корзина» — *политико-правовые документы*. К ней относится прежде всего конституция страны (или ее правовой эквивалент), как свод основных правовых норм, закрепляющих основы и принципы политической, экономической и правовой жизни страны, права и обязанности гражданина, а также другие законы и подзаконные акты, определяющие формальные принципы функционирования государства и положение человека в обществе. Серьезного внимания заслуживают уставы, программы, другие документы влиятельных политических партий и иных политических (да и не только политических) организаций, действующих в обществе и влияющих на устанавливающийся в нем политический климат.

В числе документов, на которые должен обратить внимание исследователь, выступления руководителей государств (например, инаугурационные речи президентов США), крупных политических и общественных деятелей — как тех, кто находится у власти, так и тех, которые представляют оппозицию.

К этому блоку можно отнести содержащие статистические данные публикации официальных национальных учреждений типа российской Федеральной службы государственной статистики, а также доклады таких международных институтов, как, например, Мировой банк, регулярно публикующий (в рамках серии «Мир в цифрах») выпуски статистического справочника «Страны и регионы».

Вторая «корзина» — *исследования политологов, социологов, юристов, других обществоведов, посвященные политической жизни рассматриваемых стран*. Особое внимание должно быть обращено на работы политологов-компаративистов. Массив этой литературы огромен, и в этом смысле самое главное — отобрать наиболее репрезентативные и информативные публикации.

Третья «корзина» — *национальная и международная периодическая пресса* (как печатная, так и электронная), дополняемая таким становящимся все более значимым источником, как *Интернет*.

Четвертая «корзина» — *опросы общественного мнения*, регулярно проводимые соответствующими службами многих (если не всех) стран, которые нередко содержат информацию, имеющую прямое отношение к политике — национальной и международной. Полезным источником могут оказаться имеющие политическую направленность интервью представителей различных групп общества, публикуемые в

научной и политической прессе. Особое внимание должно быть обращено на публикации международных организаций типа Всемирного исследования ценностей (World Value Survey), проводящего опросы и интервью в десятках стран мира.

Полезную информацию по интересующим нас измерениям можно было бы получить в результате *реализации соответствующих международных исследовательских проектов* (колоссальный опыт подобного рода накоплен, например, американцами). Но это дорогое удовольствие, и для российских исследователей подобный источник информации остается пока несбыточной мечтой. Однако это не значит, что им не могут воспользоваться другие.

* * *

Мир-политология, явись она на свет, принадлежала бы к эмпирическим отраслям научного знания, оперирующим дескриптивными данными. Но это несколько не умаляло бы её научной значимости и практической ценности. Сравнительная политология, завоевавшая в последние десятилетия лидирующие позиции в политологии, — это тоже эмпирическая отрасль. Вместе с тем, явившись на свет и доказав свою состоятельность (на что ей, по видимому, потребовалось бы время), мир-политология могла бы дать новый импульс развитию политической теории в самых разных ее ответвлениях.

Список литературы

- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. Пер. с англ. М., 2002.
- Баталов Э.Я. О философии международных отношений. М., 2005.
- Богатуров А. От редактора // Международные процессы. 2003. №1.
- Введение в политологию: Словарь-справочник. Под ред. проф. В.П. Пугачева. М., 1996.
- Ильин М. В., Сморгун Л. В. Сравнительная политология // Политическая наука. 2001. №2.
- Категории политической науки. Учебник. Автор концепции проекта и руководитель авт. коллектива А.Ю. Мельвиль. М., 2002.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. III. М., 2008.
- Лебедева М. М. Мировая политика. М. 2003.
- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.
- Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Методология универсального сравнения мировой политики // Политическая наука. 2007. №3.
- Политическая наука: новые направления. Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научн. ред. русского издания проф. Е. Б. Шестопал. М. 1999.

- Политическая энциклопедия. В 2-т. Руководитель научного проекта докт. полит. наук Г.Ю. Семигин. М. 1999.
- Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. Руководитель проекта проф. А. Ю. Мельвиль. М., 2007.
- Политология: Лексикон. Под ред. А. И. Соловьева. М., 2007.
- Саворская Е.В. Проблемы и перспективы применения сетевого подхода к исследованиям мировой политики // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 3.
- Современная мировая политика. Прикладной анализ. Под ред доктора полит. наук А.Д. Богатурова. М., 2009.
- Стрежнева М.В. «Трансправительственные сети» в ЕС // Международные процессы. – 2008. – № 1.
- Фельдман Д.М. О правилах мировой политики // Вопросы философии. 2012. №5.
- A New Handbook of Political Science». Oxford 1996.
- Lijphart A. Comparative Politics and Comparative Method // American Political Science Review. 1971. Vol., 1965.
- Maoz Z. Networks of Nations: The Evolution, Structure, and Impact of International Networks, 1816–2001. N. Y., 2010.
- Maoz Z., Terris L., Kuperman R., Talmud I. International Relations: A Network Approach // New Directions for International Relations. Ed. by A. Mintz, B. Russett. Lanham, MD, 2005.
- Slaughter A.–M. A New World Order. Government Networks and Disaggregated State. Princeton, 2004.

WORLD-POLITOLOGY: AN EMERGING SUB-DISCIPLINE

EDUARD BATALOV

Moscow State Institute of International Affairs (MGIMO University),
Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

Globalisation, social, economic and political integration, and the IT revolution, which to a various degree affected almost all countries in the world, shape the new political reality of the globe. Although political differentiation and heterogeneity persist and sometimes even increase, the global political world gains more cohesion and unity, while the individual countries that form it, despite their diverging development trajectories, become more interrelated and interdependent.

Under these circumstances, it is especially important for both politicians, who make strategic decisions with global implications, and political analysts to study these global puzzles in order to obtain a coherent (integral) and multifaceted picture of the political state of the world. It should reflect such fundamental dimensions of global development as political system, political culture, political behavior, electoral process, party system and political consciousness. This would enable providing an observer with a dynamic image of the global political network, created by numerous interdependent elements. This network is defined by the existence and operations of nation-states, dominating in the current world.

Neither Political Science in general, nor Area Studies, nor World Politics as academic disciplines could provide such a panoramic overview, as they do not have such tasks in the first place. Even comparative politics is not able to depict it, although without its methodology, it is impossible to draw such a picture. The author claims that global panoramic overview of the current political reality requires a separate academic discipline with its own focus and field of study. The article offers a possible scheme of formation and the major potential attributes of this discipline, which is referred to as “world-politology”.

Keywords:

world-politology; political science; comparative politics; comparative analysis; political system; political network; modern political atlas; world politics; globalisation; integration.

References

- (1996) *A New Handbook of Political Science*. Oxford.
- Almond H., Powell J., Strom K., Dalton R. (2005) *Sravnitel'naya politologiya segodnya. Mirovoj obzor* [Comparative Political Science Today. World Review]. Moscow.
- Batalov E. (2005) *O filosofii mezhdunarodnykh otnoshenij* [About Philosophy of International Relations]. Moscow.
- Bogaturov A. (2003) Ot redaktora [Editorial]. *Mezhdunarodnye Protsessy*. January–April. No. 1.
- Bogaturov A.D. (ed.) (2009) *Sovremennaya mirovaya politika. Prikladnoj analiz* [Current World Politics. Applied Analysis]. Moscow.
- Feldman D.M. (2012) *O pravilakh mirovoj politiki* [About rules of World Politics]. *Voprosy filosofii*. No.5.
- Gudin R., Klingemann H.-D. (ed) (1999) *Politicheskaya nauka: novye napravleniya* [Political Science]. Moscow.
- Ilyin M.V., Smorgunov L.V. (2001) *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Politics]. *Politicheskaya nauka*. No. 2.
- Kuzyuk B.N., Yakovets Yu.V. (2008) *Tsivilizatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushee* [Civilisations: theory, history, dialogue and future]. Vol. 3.
- Lebedeva M.M. (2003) *Mirovaya politika* [World Politics]. Moscow.
- Lijphart A. (1971) Comparative Politics and Comparative Method. *American Political Science Review*. Vol., 1965.
- Lijphart A. (1997) *Demokratiya v mnogostavnykh obschestvakh. Sravnitel'noe issledovanie* [Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration]. Moscow.
- Maoz Z. (2010) *Networks of Nations: The Evolution, Structure, and Impact of International Networks 1816–2001*. N. Y.
- Maoz Z., Terris L., Kuperman R., Talmud I. (2005) International Relations: A Network Approach. In *New Directions for International Relations*. Ed. by A. Mintz, B. Russett. Lanham, MD.
- Melvil A.Yu. (ed) (2007) *Politicheskij atlas sovremennosti. Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennykh gosudarstv* [Political Atlas of Modernity. Record of Multifaceted Statistical Analysis of Political Systems in Current States]. Moscow.
- Melvil A.Yu. (ed.) (2002) *Kategorii politicheskoy nauki. Uchebnik* [Categories of Political Science: Textbook]. Moscow.
- Melvil A.Yu., Ilyin M.V., Meleshkina E.Yu. (2007) Metodologiya universal'nogo sravneniya mirovoj politiki. *Politicheskaya nauka*. No. 3.
- Pugachev V.P. (ed.) (1996) *Vvedenie v politologiyu: slovar'-spravochnik* [Introduction to the Political Science: Reference Book]. Moscow.
- Savorskaya E.V. (2011) Problemy i perspektivy primeneniya setevogo podkhoda k issledovaniyam mirovoj politiki [Challenges and Prospects of Network Approach in World Politics Studies]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 3(8).
- Semirigin G.Yu. (ed) (1999) *Politicheskaya entsiklopeida. V 2 tomakh* [Political Encyclopedia. In 2 volumes]. Moscow.
- Slaughter A.-M. (2004) *A New World Order. Government Networks and Disaggregated State*. Princeton.
- Soloviev A.I. (2007) *Politologiya: Leksikon* [Political Science: Lexicon]. Moscow.
- Strezhneva M.V. (2008) "Transpravitel'stvennye seti" v ES [Transnational Network in the EU]. *Mezhdunarodnye Protsessy*. No. 1. Vol. 6.